

12. Швец Н.О. Смена системы координат в лингвистических исследованиях // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. – Вып. 1. – С.164–169.

Е.В. Гарусова

РЕАЛИЗАЦИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ
В ПЕРЕВОДАХ ПОЭЗИИ Р. БЕРНСА

Фактом переводческой деятельности является возможность появления и параллельного сосуществования в художественной литературе множества вариантов перевода. То, что оригинал всегда один, а переводов может быть много – одна из бесспорных переводческих универсалий. Вариативность перевода часто является следствием явно выраженной позиции, которую переводчик занимает в деятельности в силу различных социокультурных обстоятельств.

Под *переводческой позицией* мы понимаем осознанную либо предзаданную заказчиком перевода установку переводчика на создание определенного перевода, в большей или меньшей степени соответствующего оригиналу, что допускает различные изменения в переводе по сравнению с оригиналом. Под *вариативностью* понимается параллельное сосуществование нескольких вариантов перевода одного и того же текста, выполненных с точки зрения различных переводческих позиций.

Установки переводчика, а также сами переводческие позиции были различны в разные эпохи и в разных странах. Следует отметить, что в России до середины XIX в. позиция переводчиков в условиях, когда культура носила кружковый характер, грамотных людей было немного, все они владели иностранными языками, и читающей аудитории, как правило, были доступны и оригинал, и перевод, заключалась в том, чтобы на основе оригинала создать свое собственное «впечатление». Многие переводчики стремились превзойти автора оригинала и каждый по-своему «улучшить» текст оригинала. В то время соответствие перевода оригиналу не рассматривалось в качестве неперемennого условия, перевод изначально рассматривался как вариативная деятельность. Можно предположить, что в это время как раз и возникало наибольшее многообразие вариантов перевода как следствие различных, явно выраженных переводческих позиций, направленных на различные модификации текста оригинала.

В настоящее время отношение к переводу неизбежно изменилось, поскольку в условиях всеобщей грамотности распространение текстов культуры вышло за пределы кружков. В связи с расширением культурных контактов, большим количеством языков, входящих в культурный оборот, и

уменьшением количества людей, читающих тексты в оригинале (ибо всеобщая грамотность привела к усреднению языкового образования, а перевод неизбежно стал выполнять в культуре функцию оригинала), одним из основных становилось требование эквивалентности или адекватности перевода и оригинала.

Переводческие позиции, определяющие вариативность перевода, часто приводят к изменениям содержательности перевода по отношению к оригиналу, при этом переводы иногда расходятся настолько, что их трудно соотнести как друг с другом, так и с оригиналом. Переводческая позиция зависит от отношения переводчика к предыдущей традиции перевода, его образованности, господствующих литературных канонов, эстетических принципов эпохи [6: 111].

При всем многообразии переводческих позиций и как следствие наличия множества вариантов перевода именно позиция передачи максимально полного состава смыслов может рассматриваться как оптимальная. Именно это представляется основной задачей оптимально работающего переводчика и является условием того, чтобы оригинал вошел в принимающую культуру через перевод и стал известен инокультурному читателю.

Каждый перевод следует рассматривать как диалог переводчика с автором. Различное понимание переводчиками текста также предполагает появление и существование множества перевода одного и того же текста. Для переводчика текст оригинала становится непосредственным объектом деятельности, а понимание переводчиком текста оригинала организует и определяет дальнейшую трансляционную деятельность переводчика. Таким образом, переводчик при этом совмещает позиции реципиента текста оригинала, транслятора и реципиента перевода, проводя вторичную рефлексию над переведенным текстом. В свою очередь, каждая из этих позиций предполагает совокупность других, и, прежде всего, позиций понимания или мыследеятельностных позиций переводчика [4: 109].

Различия переводов культурозначимых литературных текстов обусловлены интерпретативной позицией переводчика, в свою очередь определяемой заказчиками перевода, социокультурными обстоятельствами, а также собственной интерпретативной установкой переводчика.

Перевод следует оценивать в зависимости от позиции, с которой переводчик подходит к переводу. В целом в переводе достаточно четко просматриваются две тенденции: на «встраивание» в культуру перевода и на передачу особенностей культуры оригинала, т.е., с одной стороны, ориентация на передающую культуру или «экзотизация», и, с другой стороны, ориентация на принимающую культуру, т.е. «натурализация». Из этих переводческих тенденций и вытекают все основные переводческие позиции.

1. С ориентацией на передающую культуру:

- позиция экзотизации;
- историзирующая позиция;

2. С ориентацией на принимающую культуру:

- позиция модернизации – перевод текстов другой эпохи «как сейчас», осовременивание текста;
- идеологическая позиция, т.е. изменения, связанные с политической, религиозной и т.п. конъюнктурой;
- позиция натурализации;
- адаптационная позиция:
 - поэтическая переводческая позиция;
- позиция смысловой девиации:
 - наращивание смысла;
 - добавление новых смыслов;
 - романтизация перевода;
 - пародирование в переводе.

Переводами стихотворений Р. Бернса в разные эпохи занимались различные переводчики, среди которых встречаются и известные поэты (С. Маршак, В.А. Жуковский и т.д.). Переводчиками этих текстов являются: С. Маршак, О. Сенковский, В. Жуковский, Т. Щепкина-Куперник, И. Козлов, С. Петров, О. Чюмина, М. Михайлов, В. Курочкин, В. Костомаров, В. Федотов и т.д., поэтому в переводах усматриваются различные переводческие позиции.

Рассмотрим примеры проявления идеологической позиции в переводе. Проанализируем перевод последней строфы стихотворения Р. Бернса «For a'that and a'that», выполненный В. Костомаровым. Сравним этот перевод с переводом С. Маршака и с оригиналом. Стихотворение Р. Бернса «For a'that and a'that» является одним из его самых острых социально-политических стихотворений. По своему содержанию это стихотворение тесно связано с идеями просветителей от «Опыта о человеке» А. Попа до «Прав человека» Т. Пейна. Недаром в XIX в. это стихотворение назвали «английской Марсельезой» [1: 265]. В последней строфе этого стихотворения Р. Бернс пишет о надежде на то, что «на земле наступит царство справедливости». Этот смысл сохраняется и в переводе С. Маршака «Честная бедность»: «настанет день, когда ум и честь будут стоять на первом месте», никакого религиозного смысла ни оригинал, ни перевод С. Маршака не несут, речь идет о справедливости, о правде и чести. Однако в переводе В. Костомарова добавляется смысл религиозности, отсутствующий в оригинале и в переводе С. Маршака, В. Костомаров в своем переводе говорит о «Царствии Божьем», и о «молитве»: «молитесь все, чтоб Бог послал нам Царствие Его». Таким образом, можно сделать вывод, что в переводе С. Маршака сохраняются все смыслы, заложенные автором оригинала, добавления новых смыслов не происходит, а в переводе В. Костомарова наряду с авторскими смыслами добавляется смысл религиозности. В. Костомаров вносит в свой перевод идеологические изменения. Этот пример можно от-

нести и к случаям проявления идеологической позиции; передача идеологических особенностей оригинала или появление идеологических изменений в переводе трактуется нами как идеологическая позиция и как случай проявления *позиции смысловой девиации – добавления новых смыслов.*

R. Burns «For a'that and a'that»

Then *let us pray* that come it may,
As come it will for a'that,
That Sense and Worth, over a'the earth
Shall bear the gree, and a'that.

Перевод С. Маршака
«Честная бедность»

Настанет день, и час пробьет,
Когда уму и чести
На всей земле придет черед
Стоять на первом месте.

Перевод В. Костомарова
«Прежде всего»

Молитесь все, чтоб Бог послал
Нам Царствие Его.
Чтоб *честный труд на свете стал*
Почетнее всего!

Рассмотрим примеры *натурализации* при переводе стихотворений Р. Бернса. Для этого сравним стихотворение Р. Бернса «John Barleycorn» и его переводы на русский язык, выполненные С. Маршаком и О. Сенковским.

В основе стихотворения Р. Бернса лежат народные поверья о веселых духах, которые живут в зернах, покидают их во время молотбы, зимуют в хлебных амбарах, а весной снова возвращаются в поля, чтобы вдохнуть жизнь и радость в созревающее зерно [1: 286], поэтому стихотворение Р. Бернса – «веселое» и динамичное. Основной смысл стихотворения Р. Бернса – «веселость», «игра», его герой – жизнерадостный и жизнеутверждающий персонаж, который не впадает в отчаяние, несмотря на все несчастья, выпавшие на его долю («короли клянутся погубить его», «по нему прошелся плуг», «его зарывают в землю» и т.д.). Однако, весной Джон Ячменное Зерно снова «весел» и «грозит копьями врагам», по сути дела в стихотворении метафорически описан процесс от выращивания зерна до варки пива, которое само по себе символизирует веселье. Ритм стихотворения убыстренный, что делает его динамичным, веселым.

R. Burns «John Barleycorn»

There was three kings into the east,	And they hae sworn a solemn oath
Three kings both great and high,	John Barleycorn was dead.
And they hae sworn a solemn oath	But the cheerful Spring came kindly on,
John Barleycorn should die.	And show'rs began to fall;
They took a plough and plough'd	John Barleycorn got up again,
him down,	And sore surpris'd them all.
Put clods upon his head,	

Далее проанализируем эти два перевода с точки зрения переводческих позиций.

Перевод О. Сенковского «Иван Ерофеевич
– Хлебное зернышко»

Были три царя на Востоке,
Три *царя* сильных и великих;
Поклялись они, *бусурманы*,
Известь *Ивана Ерофеича Хлебное-
зернышко*.
И вырыли они глубокую борозду, да и
бросили его в нее,
И навалили земли на его *головушку*;
И клялись они, *бусурманы*,
Что извели Ивана Ерофеича Хлебное-
зернышко.
Но как скоро пришла светлая *веснушка*,
И полились теплые *дождики*,
Иван Ерофеич Хлебное-зернышко встал
из могилы
К великому страху *нехристей*.

Перевод С. Маршака «Джон
Ячменное Зерно»

Трех королей разгневал он
И было решено,
Что навсегда погибнет Джон
Ячменное Зерно.
Велели выкопать сохой
Могилу короли,
Чтоб славный Джон,
боец лихой,
Не вышел из земли.
Травой покрылся горный склон,
В ручьях воды полно...
А из земли выходит Джон
Ячменное Зерно
Все так же буен и упрям
С пригорка в летний зной
Грозит он копьями врагам,
Качая головой.

О. Сенковский занимает при переводе стихотворения Р. Бернса *переводческую позицию натурализации*, меняя жанр на исконно русский. Шотландская баллада в переводе стала русской былинной, а шотландский крестьянин «превратился в русского мужика» [7: 123]. Дух, зимующий в «хлебных амбарах Эйршира», переселился в заросший бородатой хвоей добрый древний Муром. Джон Ячменное Зерно переименован в Ивана Ерофеича Хлебное-зернышко. В соответствии с изменившейся стилистикой короли стали царями, но не русскими, а «бусурманскими», то есть иноверческими [5: 2], чужими. Таким образом, О. Сенковский максимально *натурализирует* свой перевод для русских читателей, приближая его к читателям принимающей культуры.

В тексте перевода много слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, что является типичным для русских былин и сказок: «веснушка», «головушка», «зернышко», «полным-полнехонько», «дождики», «солнышко», «головка» (в тексте выделены курсивом). Текст перевода максимально приближен к фольклору и полностью адаптирован к восприятию русского читателя: все английские реалии заменены русскими – короли (kings) становятся «царями», «бусурманами», «нехристями». Изменяется также стиль стихотворения. Стихотворение в переводе О. Сенковского утрачивает свою живость, жизнерадостность, не свойственную былинам, где имеется эпи-

ческое прославление героев. Таким образом, в этом переводе утрачен авторский смысл – «веселость», «игра», а, напротив, стихотворение приобретает эпические черты.

От того, какую позицию занимает переводчик, в большой степени зависит качество перевода и то, насколько успешно ему удастся передать всю смысловую мозаику оригинала и авторский замысел. Однако переводчик не всегда стремится передать смысл оригинала, часто он пытается создать на основе оригинала собственные смыслы, стремясь изменить замысел автора оригинала, что и произошло в переводе, выполненном О. Сенковским. Именно это было характерно для переводчиков XIX в., которые не стремились к эквивалентности, а преследовали цели, которые диктовались занимаемыми ими позициями и ожиданиями читателей принимающей культуры. Перевод в этом отношении может служить средством обогащения культуры за счет «чужого», либо средством самоидентификации культуры, когда «чужое» перерисовывается как «свое», что и наблюдается в данном переводе. Подобные переводы интересны и самобытны, хотя и представляют собой скорее самостоятельные произведения, «переводы по мотивам», когда переводчик берет из оригинала только мотив или только героя, но при этом изменяется стиль, манера письма (хотя переводчики часто указывают на то, что это перевод) [2: 125].

Следует отметить, что в переводе С. Маршака передан авторский замысел – смысл стихотворения «веселость», «игра». Его герой, несмотря на все несчастья, не впадает в отчаяние, не падает духом, он по-прежнему весел (как и герой стихотворения Р. Бернса). Ритм стихотворения убыстренный, что делает его очень динамичным, веселым, сохранен двусложный размер, С. Маршак, также как и Р. Бернс употребляет короткую, высокочастотную лексику. Стихотворение в переводе С. Маршака остается таким же жизнерадостным, жизнеутверждающим, как и стихотворение Р. Бернса.

Жизнерадостную и веселую атмосферу передает в переводе только С. Маршак, а О. Сенковский и В.А. Жуковский создают тексты-аналоги, адаптированные или натурализованные для читателей принимающей культуры. В переводе С. Маршака Джон Ячменное Зерно – героический персонаж, веселый, жизнерадостный, он – «лихой боец», у него «бушует кровь», он «буен и упрям», он «в воде не тонет», он «поднимает отвагу», он «грозит копиями врагам». Читатель принимающей культуры получает при чтении перевода тот же набор смыслов, что и читатель передающей культуры.

Еще одним примером *натурализации* перевода является перевод И. Козлова «Сельский субботний вечер в Шотландии». Рассмотрим стихотворение Р. Бернса «The Cotter's Saturday Night» и два варианта перевода этого стихотворения на русский язык: Т. Щепкиной-Куперник «Субботний вечер поселянина» и И. Козлова «Сельский субботний вечер в Шотландии». Сравним эти два варианта перевода и оригинал.

R. Burns «The Cotter's Saturday Night»

From scenes like these, *old SCOTIA's grandeur springs*,
That makes her lov'd at home, *rever'd abroad*:
Princes and lords are but the breath of kings,
"An honest man's the noble work of GOD:"
And certes, in fair Virtue's heavenly road,
The Cottage leaves the Palace far behind:
What is a lordling's pomp? a cumbrous load,
Disguising oft the wretch of human kind,
Studied in arts of Hell, in wickedness refin'd!

Стихотворение Р. Бернса «The Cotter's Saturday Night» является первым в ряду так называемых «крестьянских» стихотворений Р. Бернса, темой которых стали быт и мысли шотландского крестьянина. Стихотворения такого рода, принесшие впоследствии Бернсу славу и признание, воспринимались в окружавшей поэта сельской среде весьма сдержанно [1: 258]. Однако в этом стихотворении Р. Бернс воспевает красоту родной Шотландии и честность, и благородство простых людей: «old SCOTIA's grandeur springs», «rever'd abroad», «And certes, in fair Virtue's heavenly road».

Все эти смыслы переданы в переводе Т. Щепкиной-Куперник: также восхваляется «величье родной Шотландии», «чуждых стран почет», подчеркивается, что простые, но честные люди на пути к Богу гораздо ближе, чем богатые: «лачуги, не дворцы, ведут вперед», простые крестьяне идут «стезею благодетели в смиреньи» (отмечено в тексте курсивом), т.е. в переводе полностью сохранены авторские смыслы, заложенные в оригинале.

Перевод Т. Щепкиной-Куперник
«Субботний вечер поселянина»

Вот в чем *родной Шотландии величье* –
Любовь своих и *чуждых стран почет*.
Власть королей дает чинов различье,
Но благородство только бог дает.
Лачуги, не дворцы, ведут вперед
Стезею добродетели в смиреньи:
Мирская роскошь – часто тяжкий гнет,
Под ней – нередко гнусное творенье,
Коварство адское, пороков изощренье.

В переводе И. Козлова, который называется «Сельский субботний вечер в Шотландии», в первых восемнадцати строках речь действительно идет о Шотландии и о шотландских крестьянах, однако в девятнадцатой

строке поэт обращается к «Святой Руси», называет ее «наша мать-земля» и прославляет ее величие: по всему миру славится «твоих дружин и флотов чудеса», «и русских дев стыдливая краса». Появляются типично русские реалии «цари», «русские девы», характерное для русских баллад обращение «Святая Русь», «мать-земля» (все эти особенности отмечены в тексте курсивом). И. Козлов указывает перед своим переводом, что это не собственно перевод, а «вольное подражание Бернсу», что само по себе уже предполагает значительные расхождения с оригиналом. И. Козлов подходит к своему переводу с позиции *натурализации*, чем и объясняются изменения, внесенные им в перевод. Р. Бернс пишет о Шотландии и прославляет ее величие, а И. Козлов, натурализируя стихотворение Р. Бернса для принимающей русской культуры, пишет о России, а не о Шотландии.

Перевод И. Козлова «Сельский субботний вечер в Шотландии»

А я к тебе, к тебе взываю я,
Святая Русь, о, наша мать-земля!
Цвети, цвети, страна моя родная!
Меж царств земных, как пальма молодая,
Цвети во всем, и в доле золотой
Счастлива будь, и счастье лей рекой!
Страна сердец, и дум, и дел высоких!
О, как гремят везде в краях далеких
Твоих дружин и флотов чудеса

И русских дев стыдливая краса!
Верна царям и верою хранима,
Врагу страшна, сама неустрашима,
Да будут честь и нравов простота
И совести народной чистота
Всегда твоей и славой, и отрадой,
И огненной кругом тебя оградой,
И пред тобой исчезнет тень веков
При звуке струн восторженных певцов!

Рассмотрим случаи *адаптации* текста перевода в принимающую культуру на примерах перевода художественного текста. В 1816 г. В.А. Жуковский выполнил переложение стихотворения Р. Бернса «John Barleycorn» для детей и назвал его «Овсяный кисель». Это стихотворение нельзя назвать собственно переводом стихотворения Р. Бернса «John Barleycorn», это скорее *адаптация* произведения для детей, в которой «пиво» заменено на «кисель». Следует отметить, что в целом В.А. Жуковский всегда подчеркивал «бесплодность» буквального перевода или «голового подражания» и утверждал, что «все заимствованное должно переродиться, чтобы стать поэзией» [3: 300]. Этим и объясняется тенденция В.А. Жуковского в большинстве случаев адаптировать или натурализовать свои переводы для русскоязычных читателей. В рассматриваемом стихотворении В.А. Жуковский описывает процесс роста овсяного зернышка и приготовления киселя в понятной и доступной детям форме: овсяное зернышко сравнивается с маленьким ребенком и с тем, как он растет: «спит в люльке», «ест, пьет», «не пикнет», «взглянул», «сосет как младенец», «уполз из пелен», потом росток покидает «родной дом» – «зернышко» (как выросший ребенок) и пробивается собственными силами. В.А. Жуковский берет из оригинала

только «персонаж» – «зернышко», однако полностью меняется и сюжет, и манера письма. Поэтому в стихотворении В.А. Жуковского появляется множество уменьшительно-ласкательных слов: «малютка», «люлька», «зернышко», «корешок» и т.д. (в тексте выделены курсивом), постоянные обращения к детям для привлечения их внимания: «слушайте, дети», «кушайте, дети», «читайте молитву», «светы мои» и т.д. (в тексте выделены курсивом). Таким образом, В.А. Жуковский занимает *адаптационную* позицию и делает не собственно перевод, а *адаптацию* или переложение стихотворения для детей, т.е. то, что А. Лефевр называет «переписыванием» («rewriting») [8: 77]. В стихотворении В.А. Жуковского сюжет явно дидактичен, и вместо веселого процесса варки пива, описанного в оригинале (см. приведенный выше текст R. Burns «John Barleycorn»), детям рассказывают о том, как растет овес.

В.А. Жуковский «Овсяный кисель»

Дети, овсяный кисель на столе; *читайте молитву*;
Смирно сидеть, не марать рукавов и к горшку не соваться;
Кушайте, светы мои, на здоровье; Господь вас помилуй.
В поле отец посеял овес и весной заскордил.
Слушайте ж, дети: в каждом зернышке тихо и смирно
Спит невидимкой *малютка-зародыш*. Долго он, долго
Спит, как в люльке, *не ест, и не пьет, и не пикнет*, доколе
В рыхлую землю его не положат и в ней не согреют.
Вот он лежит в борозде, и *малютке* тепло под землей;
Вот тихомолком *проснулся, взглянул и сосет*, как младенец,
Сок из родного зерна, и растет, и невидимо зреет;
Вот *уполз из пелен*, молодой корешок пробуравил;
Роется вглубь, и корма ищет в земле, и находит.

Рассмотрим случаи *добавления новых смыслов* как одной из разновидностей переводческой позиции смысловой девиации в переводе стихотворений Р. Бернса. Для этого проанализируем стихотворение Р. Бернса «I hae a wife o' my ain» и пять вариантов перевода второй строфы этого стихотворения на русский язык, выполненные различными авторами: С. Маршаком, В. Курочкиным, Д. Свияжским (Минаевым), О. Чюминой, Т. Щепкиной-Куперник.

R. Burns. «I hae a wife o' my ain»
I hae a penny to spend,
There, *thanks to naebody*;
I hae naething to lend,
I'll borrow frae naebody.

Перевод С. Маршака
Своим трудом я нажил грош,
И сам истрачу я его.
Что у меня займы возьмешь?
И я не брал ни у кого

Перевод Т. Щепкиной-Куперник

«У меня есть жена»

Есть и грош у меня: за него

Не обязан ничем никому.

В долг я дать не могу ничего,

Но не должен и сам никому.

Перевод О. Чюминой «Песня»

В долг ничем я не ссужаю

Из соседей никого,

Но и сам не занимаю,

У соседей ничего.

Перевод Д. Свяжского

(Минаева) «На чердаке»

День и ночь – сутки прочь;

Так я век проживу.

Снится бедность мне в ночь, -

Нищета на яву.

Перевод В. Курочкина «Песнь
бедняка»

Чем живу я – и сам не пойму;

Никому не обязан зато.

Я помочь не могу никому,

Да и мне не поможет никто.

В переводе Д. Свяжского (Минаева) происходит добавление смысла «бедность», герой страдает от своей бедности, он беден настолько, что не может так больше жить, бедность преследует его «во сне и на яву». Однако в стихотворении Р. Бернса этот смысл («бедность») отсутствует, а задан противоположный смысл «несмотря на бедность герой свободен, ни от кого не зависит, и весел» – «thanks to naebody», «I'll bogrow frae naebody», т.е. смысл «гордость», а не «бедность». Смысл «свобода, независимость, гордость» передан в переводе С. Маршака: «Своим трудом я нажил грош», «И сам истрачу я его», «И я не брал ни у кого»; в переводе Т. Щепкиной-Куперник «Не обязан ничем никому», «Но не должен и сам никому»; в переводе О. Чюминой «Но и сам не занимаю, У соседей ничего»; в переводе В. Курочкина «Никому не обязан зато».

У Р. Бернса стихотворение веселое, шутовское, и некоторые фрагменты этого стихотворения: «I hae a penny», «Naebody cares for me, I care for naebody» встречаются в английских и шотландских песнях, имеющих шутовской и даже комический характер [1: 231]. Шутовской, веселый характер оригинала передается во всех переводах, хотя стихотворение В. Курочкина и называется «Песнь бедняка», однако его герой не жалуется на бедность, не сетует на свое состояние, то есть не происходит добавления смысла «бедность», передан смысл «независимость, гордость». Однако в переводе Д. Свяжского (Минаева) с одной стороны происходит добавление смысла «бедность», а с другой стороны не передается «веселье» и «шутливость» оригинала. Таким образом, Д. Свяжский подходит к переводу с позиции смысловой девиации, так как происходит *добавление смысла*.

Рассмотрим другие случаи *добавления новых смыслов* в переводе по сравнению с оригиналом. Для этого сравним стихотворение Р. Бернса «John Barleycorn» (см. выше) и вольный перевод В.А. Жуковского «Исповедь Батистового Платка».

В.А. Жуковский «Исповедь Батистового платка»

Я родился простым зерном;	Так, что я жизни был не рад
Был заживо зарыт в могилу;	И <i>горевал</i> о прежнем гробе.
Но Бог весны своим лучом	Но было и <i>раздолье</i> мне!
Мне возвратил и жизнь и силу.	Как веселился я, бывало,
И долговязой коноплей	Когда в час ночи, при луне.
Покинул я <i>земное недро</i> ;	Вокруг меня все засыпало!
И был испытан я <i>судьбой</i> ,	Когда прохладный ветерок
<i>Ненастье</i> зная, зная <i>ведро</i> .	Меня качал, ко мне <i>ласкался</i> ,
Зной пёк меня, бил <i>тяжкий</i> град,	Когда веселый мотылек,
И ветер гнул в <i>свирепой злобе</i>	Блестя, на колос мой спускался.

Через переводы В.А. Жуковского Р. Бернс вошел в русскую культуру как романтический поэт. В.А. Жуковский, сам поэт-романтик, привносит в стихотворение типично романтические мотивы: это видно и на лексическом уровне за счет использования устаревшей лексики: «земное недро» (устар.); «свирепая злоба» (разг.); «раздолье» (устар.); «судьба» (устар.); «тяжкий» (устар.); «ведро» (устар.); «горевать» (устар., прост.); «ласкаться» (устар.).

Происходит изменение стиля оригинала, употребляется низкочастотная лексика, слова длинные, характерные для романтической поэзии (в соответствии с теми романтическими представлениями, которые имеются у В.А. Жуковского), при этом стихотворение утрачивает свою жизнерадостность, веселость. Герой В.А. Жуковского, в отличие от веселого героя Р. Бернса, склонен к размышлениям о смысле жизни, к лирическим отступлениям. Таким образом, в переводе не сохранен авторский смысл – «веселость», «игра», соответственно и веселый, непобедимый герой превращается в романтического. В.А. Жуковский как поэт-романтик привносит в свой перевод романтические черты и поэтому веселый герой превращается в романтического. Романтические текстообразующие черты проникают в русскую поэзию даже оттуда, где их изначально не было: Р. Бернс, у которого есть и романтические тексты, здесь не проявляет себя как романтический поэт. Такую позицию можно охарактеризовать как позицию смысловой девиации, так как в переводе появляются иные смыслы.

В большинстве приведенных выше отрывков переводчики скорее пытаются так или иначе *натурализовать* или *адаптировать* свой перевод для читателей принимающей культуры, сделать его более близким русским читателям, снять трудности понимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Английская поэзия в переводах В.А. Жуковского. – М.: Радуга, 2000. – 367 с.
2. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение Восток и Запад. – Л.: Наука, 1979. – 493 с.

3. Жуковский В.А. Эстетика и критика. – М.: Мысль, 1985. – 324 с.
4. Захарова Н.В. Вариативность перевода как результат мыследеятельностных позиций переводчика // Языковые подсистемы: стабильность и динамика / Отв. ред. Н.Ф. Крюкова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – С 109–114.
5. Смирнов А. Семь «Я» ячменного зерна. – 2002. – (<http://magazines.russ.ru>.)
6. Трофимова И.И. Позиции переводчиков в деятельности // Богинские чтения / Отв. ред. Н.Л. Галеева. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. – С. 110–113.
7. Эрнгер Д.Е. Метафорический концепт в поэтических текстах Роберта Бернса и их русских переводах: Дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2004. – 190 с.
8. Lefevere A. The Gates of Analogy: the Kalevala in English // Bassnett S. Lefevere A. Constructing Cultures: Essays on Literary Translation. – Clevedon etc.: Cromwell Press, 1998. – P. 76–89.

Н.О. Золотова

КОГНИТИВНЫЕ СИСТЕМЫ И МЕТОДОЛОГИЯ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Современные когнитивные науки следуют междисциплинарному подходу, который объединяет исследователей познания, изучающих закономерности приобретения, преобразования, представления (репрезентирования), хранения и воспроизведения информации. Как указывают О.Е. Басканский и Е.Н. Кучер [1], базовые положения когнитивного подхода состоят в том, что люди реагируют на собственный опыт, а не на «объективную» реальность, поэтому наша когнитивная карта и является для нас единственной «реальной» реальностью. Опыт индивида, пропущенный через язык, является существенной частью сознания, принимая во внимание тот факт, что для современного человека большая часть его ментальной, мыслительной деятельности протекает с помощью языка [9].

Таким образом, совершенно естественным является тот факт, что к числу наук, в фокусе внимания которых находятся проблемы познания и понимания, кроме философии (прежде всего эпистемологии и методологии науки), антропологии, нейрофизиологии, психологии, проблематики искусственного интеллекта, относятся науки о живом языке познающего субъекта, такие как психолингвистика и когнитивная лингвистика.

В настоящее время когнитивные науки широко используют методологию синергетического подхода, с помощью которого успешно описываются процессы самоорганизации. Методология синергетики по своему содержанию близка к основным идеям потмодернизма и постструктурализма, отрицающих линейное мышление, существование единственной истины о мире и человеке, эффективность аналитических методов познания реальности. Синергетика критикует основанные на паттернах линейного мышле-